

Дин Тянь покачал головой:

— Не согласен. Ван Цзо обвиняют в уклонении от налогов, но в таких делах обычно достаточно просто покрыть недоимку. Торговцы — люди богатые. Раз он умудрился утаить казну, значит, и обороты у него немалые. Мелкая сошка на такое не пойдёт — побоится, ведь заступиться некому. А крупное дело без надёжного покровителя и вовсе не поднять. Но если у него есть столь сильное плечо за спиной, почему никто до сих пор пальцем не пошевелил, чтобы вытащить его из тюрьмы?

В те времена всё было иначе, чем в далёком будущем. Чиновники не гнались за экономическими показателями и не заискивали перед инвесторами. Общество строго делилось на четыре сословия: «ши, нун, гун, шан» — служилые люди, земледельцы, ремесленники и, на самой низшей ступени, торговцы. К купцам относились с пренебрежением: даже их потомкам разрешалось сдавать государственные экзамены на ученую степень лишь в четвёртом поколении.

Но у купцов водились деньги, и огромные.

Каждый мало-мальски крупный делец опутывал своими связями столичных вельмож и местных чиновников. Многие безвозмездно отдавали им доли в бизнесе, обеспечивая себе покровительство на случай беды.

Ван Цзо не походил на заурядного торговца — он явно стоял на самой вершине этой купеческой пирамиды. И когда столь важную птицу среди ночи бросают в камеру захолустного уездного городишка, а личный советник Син лично велит служкам управы и близко к нему не подходить, у Дин Тяня невольно рождались нехорошие предчувствия.

— И то правда! — хором отозвались его спутники.

До них наконец дошёл смысл этих рассуждений. Кругозор у простых стражников был узким, тогда как Дин Тянь, человек из будущего с системным багажом знаний, умел подмечать детали. Стоило ему сопоставить личность арестанта с тяжестью мнимого преступления, как фальшь сразу вылезла наружу.

— Как бы там ни было, это игры сильных мира сего. Моя забота — следить за порядком в казематах, — Дин Тянь не собирался лезть на рожон, но ещё больше он боялся участи козла отпущения. Границы дозволенного он очертил для себя сразу: — А до чужих планов мне дела нет. В своей тюрьме я сам себе хозяин.

— И то верно. В такие смутные времена лучше не высовываться... — согласились приятели. Они тоже успели повидать жизнь, бывали в префектуре и соображали быстрее обычных деревенских жителей.

Установив негласное правило, мужчины расслабились, принялись за еду и выпивку, а разговор сам собой перетёк на излюбленную тему — бесконечные дразги на женской половине дома

уездного судьи.

— Слыхали, наложница Жуюй опять сцепилась с госпожой Ма? — ухмыльнулся Лю Сэнь. — Каждое божье утро одно и то же. И как им только не надоест?

Шумные склоки в покоях судьи Ма уже давно стали притчей во языцех для всей управы.

— Впрочем, наложнице в этот раз ловить нечего, — вставил Чэн Да. — Со дня на день должны прибыть новогодние подношения от влиятельной родни хозяйки. Слыхал я, у госпожи Ма от этого так голос прорезался, что она теперь весь день слуг костерит с гордо поднятой головой. А у Жуюй за спиной никого. Простая наложница — по сути, бесправная приживалка, откуда у неё взяться заступникам?

— А ещё болтают, будто Линь Ци давно пускает слюни на служанку из задних покоев по имени Хунъянь, — Лю Сэнь явно внимательно следил за делами коллеги. — У них там любовь-морковь, глаз друг с друга не сводят. Интересно, выйдет ли из этого толк? Девка-то она, надо признать, на редкость смазливая.

— Да хоть бы и писаная красавица, толку-то? — скривился Чэн Да, сплюнув на пол. — Небось господин судья её давно объездил, подпорченный товар. К тому же у неё клеймо рабыни, она крепостная девка! Линь Ци совсем без мозгов остался? В жёны рабыню брать! Сам в холопы метит или хочет, чтобы его дети всю жизнь спину гнули и глаз поднять не смели? Тьфу, дурак! Совсем ему баба разум затуманила.

В эту эпоху, как и в прежние династии, законы и вековые традиции сурово карали за браки между свободными людьми («благородными») и рабами («подлыми»). Закон не позволял им смешиваться.

Когда-то давно, во времена Цинь и Хань, эти границы удерживались лишь нормами приличия. Тогда даже среди императорских жён встречались безродные девицы: императрица Вэй Цзыфу и Ли-гуйфэй вышли из певичек, знаменитая Чжао Фэйянь начинала танцовщицей, а супруга великого Цао Цао, госпожа Бянь, и вовсе происходила из актёрской среды.

Однако император Тоба Цзюнь из династии Северная Вэй положил этому конец, наложив официальный запрет на союзы между благородными и подлыми сословиями. При Танском дворе закон ожесточился ещё сильнее, приравняв мезальянс к уголовному преступлению, а Минский кодекс безжалостно закрепил эти правила.

К «подлым людям» относили государственных и частных рабов, челядь, крепостных ремесленников, бродячих актёров, музыкантов, а также нищих и гробовщиков.

Домашняя служанка считалась собственностью господ. Она не имела права голоса, не могла распоряжаться собственной судьбой и уж тем более претендовать на законный брак с вольным человеком.

Если Линь Ци и хотел сойтись с девкой, то мог взять её разве что наложницей или держать при себе постельной служанкой. Сделать её законной супругой закон запрещал наотрез.

Само понятие брака означало «союз двух благородных фамилий». А у крепостной девки не было даже собственного родового имени — господин давал ей имя по своей прихоти. Как можно назвать женой ту, за чьей спиной нет древних предков?

<http://bllate.org/book/19387/1997481>